

Чжэн Шаньчэн жевал паровую булочку. Стоило ему подумать о брате, как на губах сама собой расцвела невольная улыбка.

До уезда Синьфэн оставалось всего полмесяца пути. Если всё пойдет по плану, они успеют как раз за две недели до Нового года и смогут встретить праздник в тепле и уюте, вместе с Чжэн Шаньцы.

Чем дальше длилось это путешествие, тем больше Чжэн Циньинь чувствовал, как расширяется его кругозор. Он видел столько разных людей и удивительных пейзажей, что то и дело довольно улыбался.

Этим вечером им особенно повезло: повозка докатилась до постоянного двора как раз к сумеркам. Циньинь занял отдельную каморку, а Шаньчэн и фулан Линь устроились вдвоем. Умывшись с дороги, Линь весело напевал какой-то незамысловатый мотив, и улыбка не сходила с его лица.

— Надо же, — заметил Шаньчэн, наблюдая за ним. — Весь путь проделали, а ты ни разу не вспылел. Прямо не узнать тебя.

Линь уселся на постель и с наслаждением натянул на себя одеяло.

— Да что ты понимаешь! Ты хоть осознаешь, какой теперь у нашего Шаньцы чин? Мы теперь — родня самого начальника уезда, причем самая близкая! Помнишь, как мы в поместье Сян служили? Глаз поднять не смели, только на свои носки и смотрели. А молодой господин Сян? Он ведь прохода мне не давал, силой взять хотел... И никто, никто тогда не пришел на помощь, все только в сторону смотрели. Один ты бросился меня защищать, хоть и знал, чем это грозит.

Именно тогда, из-за того что Шаньчэн помешал «забавам» господина Сяна, тот велел оклеветать его, обвинить в краже и перебить ему ноги. Шаньчэн остался хромым на всю жизнь.

— К чему теперь об этом вспоминать? — вздохнул он. — Всё это в прошлом.

— Для тебя, может, и в прошлом, а у меня до сих пор сердце болит. Если бы ты меня не удерживал, я бы дошел до самых ворот этих Сянов и потребовал справедливости! Знаю, ты не хочешь создавать Шаньцы проблем, но разве это преступление — постоять за себя? Мы ведь не прикрываемся чужой властью, чтобы творить зло, мы просто хотим, чтобы с нами считались.

— Ты что, — усмехнулся Шаньчэн, — когда во время осеннего сбора урожая я на рынке зерно продавал, ты снова к театру бегал, пьесы слушать? Больно уж речи у тебя стали книжные.

Линь что-то проворчал и с головой накрыл голову Шаньчэна одеялом.

— Хочу и слушаю! Всё, спи давай.

Шаньчэн лишь тихо рассмеялся. Его супруг не был из тех красавцев, что ослепляют с первого взгляда. Но в его чертах, в тонком стане и выразительных глазах таилось особенное очарование, которое раскрывалось лишь со временем. А когда Линь улыбался, обнажая два маленьких «тигриных» клыка, муж и вовсе не мог отвести от него глаз.

Вспомнив их первую встречу в саду поместья Сян, где Линь старательно подрезал ветви деревьев, Шаньчэн прижал его к себе крепче.

Трактир семьи Чжэн продолжал приносить добрую прибыль, а производство острого соуса и маслобойня уже работали как часы. С наступлением холодов земля промерзла, превратившись в твердый панцирь. Каждый раз, закончив с делами в уезде, Чжэн Шаньцы заходил в сад, чтобы набрать горсть земли.

Чиновники, приходившие к нему с докладами, то и дело заставляли своего начальника за этим странным занятием. Вскоре по ямэню поползли слухи: поговаривали, что господин Чжэн питает к грязи какую-то особенную слабость. Сам же Шаньцы лишь замерял влажность почвы. Обильные снегопады этого года обещали хороший урожай — для Синьфэна это было настоящим благословением.

К весне он уже подготовил рецепт особого удобрения. В этих краях можно было использовать оцаофэй — травяной перегной. Для этого собирали сорные травы, плотно укладывали их в большие чаны и заливали водой. В первый раз молодой чиновник перестарался, набив чан доверху, и когда началось брожение, жижа едва не хлынула через край, чуть не превратив его самого в «мокрую курицу».

Теперь он знал: чан нужно заполнять лишь на две трети. Воду лучше всего брать из прудов, где разводят рыбу, и выдерживать её на солнце три-четыре дня. Уровень воды в чане должен достигать четырех пятых или двух пятых его объема. Затем емкость плотно закрывали тяжелой крышкой, в которой судебный пристав Чжу по просьбе Шаньцы проделал небольшое отверстие для отвода газов.

Несколько стражников по его приказу плотно прижали крышку.

Брожение занимало около месяца при температуре выше двадцати семи градусов. Получившееся жидкое удобрение нужно было разводить водой перед использованием — оно идеально подходило для подкормки молодых всходов.

Производство было простым и дешевым, но для настоящей мощи требовались более серьезные добавки. Шаньцы подумывал о том, чтобы по весне испытать фэньдань — концентрированное удобрение на основе навоза, которое действовало мгновенно.

Пока же чаны с травяным настоем стояли во дворе ямэня. Стражники, проходившие мимо, старались не смотреть в их сторону — они уже привыкли, что их начальник может выкинуть что угодно, и давно перестали удивляться.

При всём этом Шаньцы оказался блестящим администратором. Его распоряжения были краткими и емкими — он часто укладывал суть дела всего в четыре иероглифа. Шаньцы терпеть не мог пространные отчеты, полные цитат из классиков и витиеватых рассуждений, за которыми сама суть проблемы терялась в тумане слов. По его приказу чиновники Синьфэна начали стремительно сокращать свои доклады, стараясь писать максимально лаконично.

Однажды, прогуливаясь по главной улице, чиновник Чжэн заметил, что торговцы уже начали предлагать теплую одежду. Он распорядился установить на площади большую доску объявлений. Здесь можно было разместить предложение о найме, аренде или поиске работы. Каждое объявление проходило проверку в ямэне, чтобы защитить права и нанимателей, и простых рабочих.

Если возникал спор, люди могли прийти в управу и заключить договор под присмотром чиновников. За небольшую плату ямэнь выступал гарантом сделки и брался разрешать любые конфликты.

Поначалу пристав Чжу сомневался, что затея выгорит, но, к его удивлению, люди потянулись к доске. Пусть поток был невелик, но каждый день кто-нибудь да приходил оформлять бумаги. Чжу втайне восхищался: господин Чжэн явно знал толк в том, как наполнить казну буквально из воздуха.

Заметив пристава на улице, Шаньцы жестом подозвал его к себе.

— Составь мне компанию, хочу заглянуть на маслобойню.

Чжу с готовностью поклонился. Он уже понял, что новый начальник — человек дела, и быть у него на хорошем счету было большой удачей.

Маслобойню по приказу Шаньцы расширили и перестроили. Теперь это было просторное, светлое здание, где не чувствовалось прежней тесноты. На производстве работали в основном вдовы павших воинов и бедные крестьяне. Штат вырос до сорока человек, и теперь, за вычетом всех расходов на сырье и жалованье, мастерская приносила около тридцати лянов серебра в месяц.

Для простого крестьянина, который за целый год каторжного труда выручал от силы три-четыре ляна, такая чистая прибыль была огромной суммой. Шаньцы был доволен. Со временем он планировал наладить сбыт арахисового и соевого масла в соседние уезды — в качестве своего товара он не сомневался.

Заметив, что некоторые рабочие до сих пор ходят в легких куртках, Шаньцы нахмурился. Он не

стал подходить к ним сам, понимая, что простые люди лишь зажмурятся от страха перед важным чином. Вместо этого он подозвал управляющего.

— Узнай-ка, почему этот человек до сих пор в летнем?

Вскоре управляющий вернулся с ответом:

— Господин Чжэн, у него в семье девять ртов. Каждая монета на счету, на новую теплую одежду просто не остается.

Шаньцы задумчиво кивнул. Он знал, что в этих краях семьи огромны. Родственники держались вместе, и раздел имущества считался признаком упадка клана. Именно эта сплоченность давала силу сельским старостам и джентльменам-шэньши, чья власть в деревнях была непререкаемой.

Шаньцы решил закупить теплые вещи для всех рабочих за счет казны — при большом заказе лавочники наверняка сделают скидку. Но вслух он ничего не сказал, привыкнув сначала доводить дело до конца, а потом объявлять о нём.

— Ясно. Завтра пусть рабочие освободят вторую половину дня, — бросил он управляющему.

Затем Шаньцы повернулся к приставу:

— Я заметил, что в последнее время городские задиры поутихли. В этом есть и твоя заслуга, Чжу.

Тот почтительно склонил голову:

— Господин, я лишь исполняю свой долг.

— Продолжай в том же духе, — Шаньцы одобрительно похлопал его по плечу.

Проводив начальника до ворот, Чжу чувствовал необычайный подъем. «А ведь господин Чжэн не такой уж и суровый», — подумал он, и сердце его окончательно склонилось на сторону молодого магистрата.

Тем же вечером местный богатей Гао звал его на пирушку, но пристав отказался. Родственник Гао вляпался в грязную историю и теперь ждал суда. Гао приготовил богатые дары, надеясь на доброе слово перед начальником уезда, и Чжу поначалу подумывал согласиться — дело-то было пустяковое. Но, вспомнив сегодняшний разговор и проницательный взгляд Шаньцы, он почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Он тут же велел передать Гао, что не придет, и вернул все подношения до единого. Шаньцы об этой маленькой драме так и не узнал.

На следующее утро Шаньцы сообщил о своем решении помощнику начальника уезда Ци. Тот был изрядно удивлен.

— Господин Чжэн, вы так внимательны к нуждам простых рабочих... — осторожно заметил чиновник Ци.

Для местных чиновников правление Шаньцы пока не приносило больших хлопот. Маслобойня и соусы давали лишь «мошкариную прибыль», которая хоть и задевала их интересы, но не была смертельной. Они решили смотреть на это как на неизбежную плату за спокойствие при новом начальнике. Пока Шаньцы не совал нос в дела с землей или солью, они были готовы во всём ему потакать.

Ци ушел исполнять поручение, а Шаньцы вызвал регистратора Цзяна:

— Скоро в Синьфэн потянется народ. Будь предельно внимателен к пропускным документам. Людей с сомнительным прошлым в город не пускать.

— Слушаюсь, господин Чжэн.

Закончив с распоряжениями, Шаньцы невольно задумался: приедут ли его родные к Новому году? Из деревни Цинсян вестей до сих пор не было.

На маслобойне управляющий велел рабочим прекратить работу и выстроиться в ряд. Люди стояли, недоуменно переглядываясь. Вскоре вошли портные с мерными лентами и принялись за дело.

— Управляющий, что это за затея? — подал голос один из рабочих под общий хохот. — Чувствую себя боровцом перед забоем: чего это нас обмеряют?

Управляющий усмехнулся и строго прикрикнул:

— Молчать, олухи! Господин Чжэн заметил, что вы в холода в рубищах ходите, и велел сшить каждому по две теплые куртки. Так что радуйтесь молча: мало того что условия здесь лучше, чем где-либо, так еще и одежду справную получите задаром. Господин вчера лично приходил, присматривался, хоть и виду не подал, а о каждом из вас позаботился.

Рабочие зашумели, в их глазах читалась искренняя благодарность. Здесь трудилось много вдов

и ветеранов; мужчины, женщины и г'эр работали отдельно друг от друга. Для каждой семьи такая забота была настоящим спасением. Возможность заработать, да еще и при покровительстве ямэня, была предметом гордости перед соседями.

Среди рабочих был Ван Цюань — старый солдат, вернувшийся с войны калекой. Его нога была искалечена, и тяжелый труд был ему не под силу. Раньше он ходил в походы, чтобы прокормить семью, а теперь жил впроголодь, ведь наниматели не желали брать хромого.

Когда к нему в дверь постучал мелкий чиновник, Ван Цюань не на шутку испугался. Простые люди годами обходили ямэнь стороной, и встреча с властью не сулила ничего доброго.

— В уезде открывается маслобойня, — сообщил чиновник. — Господин Чжэн распорядился в первую очередь брать на службу калек из числа солдат и вдов. Объявления давно висят, но господин опасается, что вы не все грамоте обучены, вот и велел нам самим по домам пройти.

Ван Цюань замер, не веря своим ушам.

— Но я ведь... я ведь хромой. Неужто и вправду сгожусь?

Собеседник внимательно посмотрел на него:

— А ну-ка, пройдишь.

Ван Цюань, преодолевая стыд и волнение, сделал несколько шагов под пристальным взглядом. Пот градом катился по его лицу — казалось, эти несколько метров были длиннее всей его жизни.

— Годится, — кивнул чиновник. — Раз ходить можешь, значит, и работать сумеешь. Записываю тебя.

Вся горечь Ван Цюаня мгновенно испарилась, сменившись ликованием. Чиновник добавил, что его старший брат тоже вернулся с войны без руки, и главное — что живой остался.

Управляющий вернул Ван Цюаня к действительности своим зычным голосом. Старый солдат подумал о начальнике уезда, которого еще ни разу не видел. Ему вдруг стало ясно, почему господин Чжэн велел искать именно таких, как он. Только человек с добрым сердцем мог так тонко прочувствовать чужую беду. Ван Цюань не знал наверняка, каков господин Чжэн на самом деле, но в его душе крепла уверенность: их новый начальник — человек редкой душевной щедрости.

Чжэн Шаньцы составил план дел на весну — их предстояло немало, и он с нетерпением ждал начала сезона. Пока он усердно работал в ямэне, Юй Ланьи снова отправился в город.

Он был вместе с гэ'эр Сюем. В последнее время Ланьи безвылазно сидел в кабинете за прописями и теперь наслаждался свободой. На улице кусался мороз, поэтому юноша укутался в теплую накидку. В Синьфэне зимы были суровее, чем в столице, и вскоре он почувствовал, как ноги начинают зябнуть. «Надо бы надеть вторые шерстяные носки», — мелькнуло в голове.

Сюй позвал его в чайную поиграть в ецзыпай — игральные карты «листья». Ланьи поначалу сомневался, не желая лишний раз мерзнуть, но потом решил: посидит в тепле, перекинется в карты, а к вечеру как раз успеет зайти за Шаньцы в ямэнь.

Он шел по хрустящему снегу, представляя удивленное лицо мужа, и светлая улыбка озаряла его лицо.

Тем временем Чэн Вэнь со своими соучениками как раз выходил из книжной лавки. Завтра в академии начинались каникулы, и юноши весело обсуждали планы на отдых, собираясь наутро отправиться в беседку любоваться заснеженными далями.

— Брат Чэн, ваше последнее сочинение просто блестящее! Уверен, через три года на экзаменах вас ждет несомненный успех, — льстиво заметил один из товарищей.

Семья Чэн была знатной, их дед когда-то занимал пост губернатора, так что у Чэн Вэня были все шансы на успешную карьеру в столице. Юноша уже собирался ответить что-нибудь скромное, как вдруг заметил Ланьи.

Чэн Вэнь был вторым внуком в семье. Когда женился его старший брат, он был в отъезде, странствуя с учителем, и вернулся лишь недавно, поэтому Ланьи еще не видел.

Ланьи в своей ярко-красной накидке, с ослепительно белой кожей и живым лицом, казался ярким мазком кисти на сером фоне зимней улицы. Мало кому шел такой вызывающий цвет, но на нём накидка сидела безупречно.

Сердце Чэн Вэня пропустило удар. Он заметил, что незнакомец вошел в чайную вместе с гэ'эр Сюем. Вэнь знал Сюя и решил завтра же разузнать у него, кто этот дивный красавец. Сам он еще не был женат, и в его душе проснулось жгучее желание познакомиться. Как любимец в семье, он надеялся, что родня одобрит его выбор, если статус Ланьи окажется под стать их роду — а судя по дорогой ткани накидки, так оно и было.

В чайной их уже ждали еще двое гэ'эр. Один из них, Чэн Хуэй, был младшим братом Чэн Вэня, еще не просватанным и весьма миловидным. Увидев Ланьи, он приветливо окликнул его: «Брат Юй!»

Вторым был фулан Ся, недавно вышедший замуж за старшего сына семьи Ся. Он приехал из Сюйчжоу, и этот брак был очередным союзом двух старых родов.

Ланьи выбрал простой зеленый чай.

Они уселись за стол и принялись за карты. В столице Ланьи частенько играл с родней на праздниках и неизменно проигрывал, но здесь, в Синьфэне, он надеялся, что удача наконец улыбнется ему.

Реальность оказалась жестокой. Его спутники были тертыми калачами и, хоть и пытались «поддаваться», Ланьи всё равно летел в пропасть. Фулан Ся лишь прикрывала рот ладошкой, дивясь тому, как можно так плохо играть. Казалось, Ланьи тонет даже на мелководье.

Взыгравшее самолюбие не позволило ему отступить, и в итоге он проиграл целых двадцать лянов. Мир для Ланьи рухнул.

Его месячное содержание подошло к концу, а теперь он еще и остался должен. В карманах не было ни единого медного гроша. Он горько пожалел о своей азартности: если теперь придется тратить деньги от продажи своих украшений и Шаньцы об этом узнает, позора не оберешься.

Ланьи отложил карты. Сюй, заметив его удрученный вид, спросил:

— Ланьи, что случилось? Если тебе скучно, мы можем заняться чем-нибудь другим.

— Дело не в скуке... Просто если Шаньцы узнает, что я играю в ецзыпай, он наверняка рассердится.

Сюй рассмеялся:

— Неужто ты так боишься господина Чжэна?

— Не то чтобы боюсь... Но он точно будет против, — прошептал Ланьи. — Мне пора, у него скоро заканчивается служба, пойду встречу его.

Сюй уже привык к тому, что Ланьи запросто зовет мужа по имени, но в глубине души продолжал удивляться. Видно, статус Юй Ланьи был куда выше, чем они могли себе представить.

Когда Шаньцы только приехал в Синьфэн, Сюй и его отец сразу поняли, что этот гэ'эр непрост. Он редко появлялся на людях, но его наряды и украшения говорили сами за себя. Они уже послали людей разузнать о его семье, но из-за дальности пути вести придут только весной.

Шаньцы закончил дела вовремя. Чиновники и стража почтительно кланялись ему, когда он выходил из ямэня. Жилые комнаты располагались в глубине двора, но чтобы попасть туда из присутственных мест, нужно было выйти на улицу и пройти через квартал.

Едва переступив порог, он увидел знакомый силуэт.

Шаньцы ускорил шаг. Ланьи при его приближении заметно смутился.

— О, ты сегодня рано, — невпопад бросил он.

— Как всегда. А ты чего здесь?

— Да так... дома засиделся, решил прогуляться, — Ланьи отвел глаза.

В его голове всё еще крутились проигранные двадцать лянов, но Шаньцы, обрадованный встречей, ничего не заметил. Он взял супруга за руку и предложил:

— Вечер сегодня славный, давай после ужина пройдемся по лавкам.

Ланьи послушно кивнул.

От холода Шаньцы пододел под чиновничий халат столько слоев, что казался чуть округлым, но лицо его по-прежнему было безупречно красиво. Ланьи любил зимние ночи лишь за то, что Шаньцы грел его в постели — так было куда уютнее.

— На днях позову мастеров, пусть сложат в спальне теплый кан, — заметил Шаньцы. — Тогда не придется жечь столько углей на ночь.

Ланьи пнул сугроб у дороги:

— Ай, зачем... Просто обнимай меня крепче, я и согреюсь.

Шаньцы лишь улыбнулся в ответ.

Ланьи не занимался домашним хозяйством, но теперь, под руководством счетовода и Цзинь Юня, прилежно учился вести счета. Шаньцы понимал: его состояние растет, и негоже доверять все деньги чужим людям. Ланьи учился охотно, но его удручало одно: серебро в книгах было видно и слышно, а тратить его было нельзя. «Нельзя проедать всё дочиста», — вспомнил он какую-то умную фразу.

Ему отчаянно хотелось заработать самому.

Услышав об этом желании, муж долго хранил молчание.

Он не проронил ни слова.

Юй Ланьи это не понравилось.

— Шаньцы, ну скажи хоть что-нибудь! Чего ты молчишь? — он недовольно вскинул голову.

Шаньцы наконец ответил:

— Знаешь, если ты просто будешь тратить чуть меньше, это и будет твоим лучшим заработком.

В столице у Ланьи остались лавки и поместья, приносящие верный доход, так что по приезде он снова станет богат. Шаньцы и впрямь считал, что бережливость — лучший талант его супруга, ведь тот привык сорить деньгами не глядя.

Ланьи вскинулся:

— Ты считаешь, я много трачу?!

— Я считаю, что ты и так ослепительно хорош, и новые платья, надетые пару раз, не прибавляют тебе красоты. Ты в любом наряде прекрасен.

Кулаки Ланьи невольно разжались.

— Хм, ну ладно, так и быть. Постараюсь экономить... Сэкономлю на подарок папе Чжэну, ну и тебе теплые сапоги справлю.

— Мне? — удивился Шаньцы.

— Да, сапоги потеплее! Разве в этих не холодно?! — Ланьи сорвался на крик, как всегда, когда волновался. — В такой мороз разве эти подошвы спасают?

На самом деле Шаньцы было вполне тепло в трех парах носков, но он благоразумно промолчал.

После ужина они вышли вдвоем под одним зонтом, велел слугам остаться. Цзинь Юнь лишь качал головой им вслед: в такую стужу господа отправились гулять, подставляя лица ледяному ветру.

На улице торговали печеной кукурузой и картофелем прямо с углей. Шаньцы купил початок за три медных гроша — горячее лакомство было в самый раз. Печеная картофелина за грош шла в придачу.

Они разломали кукурузу пополам. Шаньцы сразу принялся за еду, а Ланьи сначала брезгливо стряхнул золу и только потом принялся чинно откусывать по зернышку.

Ночной рынок Синьфэна был невелик, и они быстро обошли его весь. На обратном пути они зашли выпить по чашке горячего супа с серебряными ушками, и когда уже собирались уходить, столкнулись с главами семей Ци и Гао.

Те сразу же поспешили засвидетельствовать почтение.

— Давно не виделись, господин Чжэн! Мы наслышаны о ваших успехах с трактиром и ямэньскими мастерскими. Даже посылали слуг купить соуса на пробу — что и говорить, господин мастер на все руки, сколько серебра в казну привлекли! — рассыпался в похвалах глава Ци.

— Пустяки. Возможно, со временем я обращусь к вам за поддержкой в делах.

Глава Гао весело рассмеялся:

— Будем только рады, господин Чжэн! Для нас это будет честью.

Обменявшись любезностями, они разошлись. Шаньцы знал: за этими «старыми лисами» тянется шлейф темных дел, описанных в архивных свитках. Пока у него не было твердых улик против этих кланов, но стоило им попасться — и кормить их будут уже тюремной похлебкой.

— Когда ты только приехал, многие пытались поднести дары, но я всё развернул, — с гордостью сообщил Ланьи. — Знаю, на твоём месте нельзя ничего брать: взял чужое — стал должником. Если начнешь принимать подношения, все решат, что ты продажный и падок на золото да на смазливые лица. Такая слава мигом по уезду разлетится.

Шаньцы легонько щелкнул его по носу:

— Совершенно верно. Сразу видно сына прославленного военачальника.

Ланьи гордо вскинул подбородок:

— Я к такому с детства привык, посмотрелся всякого.

Шаньцы невольно улыбнулся. Ему всегда было забавно слушать серьезные рассуждения супруга.

— Да, ты у меня просто молодец.

Ланьи шел по снегу, и глаза его сияли, словно у ребенка, получившего похвалу. Он так прибавил шагу, что Шаньцы едва поспевал за ним, невольно подумав, не нанять ли ему учителя боевых искусств, чтобы подтянуть здоровье.

Вернувшись в спальню, они еще долго дурачились. Забравшись под теплое одеяло, Шаньцы осторожно коснулся ключицы Ланьи. Тот был худощав, но тело его было ладным и сильным.

Ланьи обнял его за талию:

— Перестань, щекотно же!

Их нижнее платье на вате было мягким и теплым, и Ланьи совсем разленился. Он почувствовал, как пальцы Шаньцы медленно скользят к его поясу.

Одна рука уже потянула за завязки...

Ланьи заупрямился: на улице мороз, а после «дел» придется снова идти умываться. Поэтому он лишь позволил мужу ласкать себя и покрывать поцелуями шею, не давая зайти дальше. От горячего дыхания Шаньцы по телу Ланьи бежали мурашки, а кожа горела.

Он вспомнил картинки из фривольных книжек, где гэ'эр изнывали от страсти, но стоило ему бросить взгляд на «достоинство» Шаньцы, как всё желание спорить с холодом улетучилось. В такую стужу — ну уж нет.

Он плотно подоткнул одеяло со всех сторон, чтобы не сквозило, и уснул, пригревшись на груди мужа. Шаньцы, томимый желанием, лишь вздохнул и закрыл глаза, привычно усмиряя плоть.

Когда он наконец успокоился, Ланьи уже крепко спал. Шаньцы провел рукой по его шее, нащупав след от своих зубов. Ланьи был бледен кожей, но совсем не хрупок — под нежной кожей перекачивались тугие мышцы. Видно, детство, проведенное в походах с отцом, и уроки борьбы не прошли даром: у него были четкие шесть кубиков пресса и сильная, красивая спина. Стоило Шаньцы коснуться его спины, как Ланьи во сне едва заметно вздрагивал.

От него исходило живое, уютное тепло.

Шаньцы прикрыл глаза ладонью и еще раз поправил одеяло. Пора было спать — не стоило попусту тревожить сердце несбыточными в эту ночь желаниями.

Холода становились всё злее. Чжэн Шаньчэну и его спутникам пришлось прикупить по дороге еще по три стеганные куртки на брата. Когда Циньинь приоткрыл полог повозки, ледяной порыв заставил его вздрогнуть и тут же задернуть занавеску.

Шаньчэн прикинул время в пути — они должны были прибыть с минуты на минуту.

— Возница, долго еще до Синьфэна?

— Час от силы остался. Сидите крепче, снег здесь глубокий, дорога скользкая, коней ведет.

— Хорошо, не гони. Мы столько проехали, теперь спешить некуда.

Возница и сам был настороже. Если бы Чжэны не заплатили так щедро, он бы ни за что не пустился в путь в такую погоду. Внезапно колесо с тяжким хрустом провалилось в глубокую заснеженную яму.

Повозка замерла.

— Колесо застряло! — крикнул возница. — Надо расчищать.

Шаньчэн высунулся наружу:

— Сидите внутри, я помогу.

Он спрыгнул в снег, взял лопату, и вдвоем они принялись за работу. Руки быстро коченели, пальцы перестали слушаться. Когда колесо наконец удалось выволить, лицо Шаньчэна совсем одеревенело от мороза.

Он забрался обратно в повозку и плотно прикрыл дверь. Линь тут же схватил его ледяные ладони, растирая их и согревая своим дыханием.

— Ну посмотри на себя, совсем замерз! — ворчал он, хотя в голосе слышалась лишь тревога.

Циньинь смотрел на них с тихой улыбкой.

Повозка тронулась дальше. Шаньчэн понемногу отогрелся:

— Зимы здесь куда лютее наших. Если сейчас же не найдем очаг, я точно покроюсь цыпками.

Линь лишь покачал головой — его больше заботила нога мужа. Вчера на постоялом дворе старая рана снова дала о себе знать, терзая Шаньчэна болью.

Возница тоже промерз до костей. Завидев впереди городские стены, он придержал коней и окликнул случайного прохожего с узлом за плечами:

— Почтенный, это ли уезд Синьфэн?

— Он самый, Синьфэн и есть.

— Вот и славно, — возница облегченно выдохнул. — Наконец-то добрались!

Затем он обернулся к пассажирам:

— Молодые господа Чжэн, мы на месте!

Шаньчэн впервые в жизни услышал, как его величают «молодым господином». Прибытие в Синьфэн принесло ему небывалое облегчение. Он помог выйти Линю, а затем поддержал Циньиня.

Линь огляделся по сторонам:

— Погода хоть и скверная, а город, видать, богатый.

Вокруг кипела жизнь. Всюду виднелись театры, из чайных доносилось пение, лавки ломились от товаров — у простых деревенских жителей глаза разбегались от такого блеска.

— Пойду разузнаю дорогу к ямэню, — Шаньчэн, всё еще чувствуя себя не в своей тарелке, подошел к молодому горожанину.

— Ступайте прямо, потом за углом направо, и снова прямо — не промахнетесь.

Горожанин с любопытством оглядел их дорожное платье:

— В такую стужу и с такой кладью... Работу, что ль, ищите? Зря, в это время года дело доброе найти непросто.

<http://bllate.org/book/15809/1436070>